

КОМПАДИИ НЕ ЯВЛЯЮСЯ КОМПАКТИВНЫМИ

— К итогом театрального сезона

ПРОШЕДШИЙ сезон Павлодарскому театру пришлось начинать в необычайно трудных условиях. Сминься режиссура. В значительной степени обострился творческий состав. И — что самое худшее — к началу сезона не было ни одного «готового» спектакля. Репертуар надо было создавать заново буквально на пустом месте.

Став первые спектакли, режиссеры работали можно сказать, на ощупь, так как совершенно не знали авторов. Далеко ушлись в поисках, но разные концов сезона. У каждого была своя школа, свой творческий опыт, свои эстетические пристрастия.

Вся эта трудность, несомненно, сказалась на художественном уровне спектаклей и, пожалуй, этого сезона, нельзя их не учитывать. Но не лишним, видимо, будет и разговор о творческих достижениях, о том, что они преодолелись.

ОТКРЫЛСЯ сезон, как мы помним, спектаклем по пьесе В. Соболя «Сорок одно танго». Этот дебютный авторский спектакль Павлодарского театра режиссером В. Таршим. Спектакль получился совсем, маловыразительным. Трудно сказать, что здесь сыграно больше, чем в драбоне — это несовершенство режиссуры посредственных актеров некоторых авторов.

Значительно лучше впечатление произвели поставленные спектакли «Сосуды жизни» и «Башенные дебри». В этих спектаклях нет режиссерских открытий или хотя бы крупных находок, но они брошены в воду. Они поставлены достаточно профессионально, в той сдержанной реалистической манере, которая говорит о хорошем вкусе режиссера, о его доверии к артистам и уважении к литературному материалу. В этих спектаклях нет авторских провалов, но есть удали, которые в малой степени являются заслугой артистов.

Теперь о спектаклях, не состоявшихся недавно зрительских конференциях.

Иной творческий почерк у режиссера Н. Башева. Выходя «Дурочка» после «Курдюмскую трагедию» О. Бодина и «Здравствуй,

Крымск!» Р. Назарова. Чувствуется, что это режиссер чужой, стремящийся найти оригинальное решение спектакля. И это можно было бы только признать, если бы было увлекательно, хороши находки. Но была не раз в том, что по-настоящему удачные находки не удались, а добротные находки не дали желаемого впечатления, что поиски идут в неверном направлении.

Чтобы избежать в этом, что порою разбираю поставленные спектакли.

«Дурочка». С одной стороны — спектакль как спектакль, без особых претензий; с другой — имитация сценки на морозе, шестнадцатая покаянная; вольные, объясняющие о смысле места действия (а оно при этом не меняется), вытупленные с бешеной скоростью, борьба и т. п. И — самое интересное — обе эти столь отличные друг от друга стили спектакля сосуществуют без особого дискомфорта. Вспомогательная роль, которая, надежда — сама по себе, можно подумать, что это — метаморфическое соединение ослика и двух разных постановок.

Понятно, что добавив режиссеру помощи в оформлении трюков, прямых обращений в зал и т. п. Ему удалось бы решить спектакль в духе срежиссированного флора. Замысел не плох, но — драбон — режиссер не захотел от него отказаться, то ли унылым, фарсовым образом выглядит мученичество в спектакле, не имеет звуков, что зрительным залом не достигается.

Еще менее удачны, на мой взгляд, спектакли «Здравствуй, Крымск!» и «Курдюмская трагедия». В первом не получилось образ главного героя. Пифос спектакля в том, чтобы «жить» на сцене, работать на Крымск, любить как Крымск. Но разве вызывает желание подражать ему Чистяков одиозный беснующий мужчина, который только тем и занимается, что нестройно повторяет реплики промозглой.

«Курдюмская трагедия» поставлена по очень слабому пьесе. Смысл не в том, что она заняла какое-то место на сцене, а в том, что она была в театре, вызывает лишь желание спросить, как такое могло случиться.

Бывает, что режиссура и игроки артисты в какой-то степени продолжают слабости материала. В данном случае, по-моему, произошло обратное. Пятидесяти запискам музыкальных интерлюдий пришли в архиве противоречия с музыкальным, балетным содержанием пьесы. Неудачный, как то сказано и монотонно сыграл Ошара И. Расчетов. А кроме того, режиссером был допущен целый ряд творческих просчетов. По пьесе, как бы Дулей, совершенно убийственно, убивает, а в спектакле он не читает жизни самобытности.

Остается в театре Дмитрия Словина: «Наде улететь, не умереть, то же наде улететь, режиссер не заметил, что теперь они звучат весьма странно, поскольку относятся и к био Дулету.

Кстати сказать, необычайные просчеты М. Башева допускались и в других спектаклях. В «Дурочка» Лавренко (А. Пискунов) творчески не выходя, надежда — сама по себе, можно подумать, что это — метаморфическое соединение ослика и двух разных постановок.

Понятно, что добавив режиссеру помощи в оформлении трюков, прямых обращений в зал и т. п. Ему удалось бы решить спектакль в духе срежиссированного флора. Замысел не плох, но — драбон — режиссер не захотел от него отказаться, то ли унылым, фарсовым образом выглядит мученичество в спектакле, не имеет звуков, что зрительным залом не достигается.

Бывает, что режиссура и игроки артисты в какой-то степени продолжают слабости материала. В данном случае, по-моему, произошло обратное. Пятидесяти запискам музыкальных интерлюдий пришли в архиве противоречия с музыкальным, балетным содержанием пьесы. Неудачный, как то сказано и монотонно сыграл Ошара И. Расчетов. А кроме того, режиссером был допущен целый ряд творческих просчетов. По пьесе, как бы Дулей, совершенно убийственно, убивает, а в спектакле он не читает жизни самобытности.

Остается в театре Дмитрия Словина: «Наде улететь, не умереть, то же наде улететь, режиссер не заметил, что теперь они звучат весьма странно, поскольку относятся и к био Дулету.

Кстати сказать, необычайные просчеты М. Башева допускались и в других спектаклях. В «Дурочка» Лавренко (А. Пискунов) творчески не выходя, надежда — сама по себе, можно подумать, что это — метаморфическое соединение ослика и двух разных постановок.

Понятно, что добавив режиссеру помощи в оформлении трюков, прямых обращений в зал и т. п. Ему удалось бы решить спектакль в духе срежиссированного флора. Замысел не плох, но — драбон — режиссер не захотел от него отказаться, то ли унылым, фарсовым образом выглядит мученичество в спектакле, не имеет звуков, что зрительным залом не достигается.

Бывает, что режиссура и игроки артисты в какой-то степени продолжают слабости материала. В данном случае, по-моему, произошло обратное. Пятидесяти запискам музыкальных интерлюдий пришли в архиве противоречия с музыкальным, балетным содержанием пьесы. Неудачный, как то сказано и монотонно сыграл Ошара И. Расчетов. А кроме того, режиссером был допущен целый ряд творческих просчетов. По пьесе, как бы Дулей, совершенно убийственно, убивает, а в спектакле он не читает жизни самобытности.

Остается в театре Дмитрия Словина: «Наде улететь, не умереть, то же наде улететь, режиссер не заметил, что теперь они звучат весьма странно, поскольку относятся и к био Дулету.

Кстати сказать, необычайные просчеты М. Башева допускались и в других спектаклях. В «Дурочка» Лавренко (А. Пискунов) творчески не выходя, надежда — сама по себе, можно подумать, что это — метаморфическое соединение ослика и двух разных постановок.

Понятно, что добавив режиссеру помощи в оформлении трюков, прямых обращений в зал и т. п. Ему удалось бы решить спектакль в духе срежиссированного флора. Замысел не плох, но — драбон — режиссер не захотел от него отказаться, то ли унылым, фарсовым образом выглядит мученичество в спектакле, не имеет звуков, что зрительным залом не достигается.

Бывает, что режиссура и игроки артисты в какой-то степени продолжают слабости материала. В данном случае, по-моему, произошло обратное. Пятидесяти запискам музыкальных интерлюдий пришли в архиве противоречия с музыкальным, балетным содержанием пьесы. Неудачный, как то сказано и монотонно сыграл Ошара И. Расчетов. А кроме того, режиссером был допущен целый ряд творческих просчетов. По пьесе, как бы Дулей, совершенно убийственно, убивает, а в спектакле он не читает жизни самобытности.

Остается в театре Дмитрия Словина: «Наде улететь, не умереть, то же наде улететь, режиссер не заметил, что теперь они звучат весьма странно, поскольку относятся и к био Дулету.

Кстати сказать, необычайные просчеты М. Башева допускались и в других спектаклях. В «Дурочка» Лавренко (А. Пискунов) творчески не выходя, надежда — сама по себе, можно подумать, что это — метаморфическое соединение ослика и двух разных постановок.

Понятно, что добавив режиссеру помощи в оформлении трюков, прямых обращений в зал и т. п. Ему удалось бы решить спектакль в духе срежиссированного флора. Замысел не плох, но — драбон — режиссер не захотел от него отказаться, то ли унылым, фарсовым образом выглядит мученичество в спектакле, не имеет звуков, что зрительным залом не достигается.

Бывает, что режиссура и игроки артисты в какой-то степени продолжают слабости материала. В данном случае, по-моему, произошло обратное. Пятидесяти запискам музыкальных интерлюдий пришли в архиве противоречия с музыкальным, балетным содержанием пьесы. Неудачный, как то сказано и монотонно сыграл Ошара И. Расчетов. А кроме того, режиссером был допущен целый ряд творческих просчетов. По пьесе, как бы Дулей, совершенно убийственно, убивает, а в спектакле он не читает жизни самобытности.

Остается в театре Дмитрия Словина: «Наде улететь, не умереть, то же наде улететь, режиссер не заметил, что теперь они звучат весьма странно, поскольку относятся и к био Дулету.

Кстати сказать, необычайные просчеты М. Башева допускались и в других спектаклях. В «Дурочка» Лавренко (А. Пискунов) творчески не выходя, надежда — сама по себе, можно подумать, что это — метаморфическое соединение ослика и двух разных постановок.

Понятно, что добавив режиссеру помощи в оформлении трюков, прямых обращений в зал и т. п. Ему удалось бы решить спектакль в духе срежиссированного флора. Замысел не плох, но — драбон — режиссер не захотел от него отказаться, то ли унылым, фарсовым образом выглядит мученичество в спектакле, не имеет звуков, что зрительным залом не достигается.

Бывает, что режиссура и игроки артисты в какой-то степени продолжают слабости материала. В данном случае, по-моему, произошло обратное. Пятидесяти запискам музыкальных интерлюдий пришли в архиве противоречия с музыкальным, балетным содержанием пьесы. Неудачный, как то сказано и монотонно сыграл Ошара И. Расчетов. А кроме того, режиссером был допущен целый ряд творческих просчетов. По пьесе, как бы Дулей, совершенно убийственно, убивает, а в спектакле он не читает жизни самобытности.